
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDING

Научная статья

УДК 343.131

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.25.11

Руднев Владимир Ильич

Адвокатская палата Московской области, Москва, Россия,

wlad.rudnev@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТРАСЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье показана роль юридической терминологии. Обращается внимание на применении юридической терминологии в уголовно-правовых отраслях законодательства. Отмечается необходимость выполнения определенных требований при использовании юридических терминов. Указана важность соблюдения конституционных норм при разработке федеральных законов. Цель: обозначить место юридической терминологии в уголовно-правовых отраслях законодательства; раскрыть роль конституционной терминологии для введения новых терминов в отраслевое законодательство. Процедура и методы: методы прогнозирования, сравнительный, диалектический и формально-логический методы. Результаты: введение новых юридических терминов означает предъявление к ним самых высоких требований. Важна точность применяемых терминов, их адекватность. Это связано с последствиями, которые могут наступить при реализации норм уголовно-правовых отраслей законодательства. Следует как можно скорее принять федеральный закон, который бы регламентировал процедуру разработки нормативных актов. Практическая и теоретическая значимость: результаты исследования вносят вклад в науку уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, в концепцию темы юридической терминологии, способствуют развитию новых направлений научных разработок.

Ключевые слова: юридическая терминология, термин, отрасль законодательства, норма, акт

Для цитирования: Руднев В.И. Значение юридической терминологии для развития уголовно-правовых отраслей законодательства / В.И. Руднев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.25.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. - № 1. – С. 134–145.

Original article

Rudnev Vladimir Ilyich

Chamber of Lawyers, Moscow region, Moscow, Russia, wlad.rudnev@mail.ru

THE LEGAL TERMINOLOGY IMPORTANCE IN THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION'S CRIMINAL BRANCHES

Abstract. The article shows the role of legal terminology. The special attention is drawn to the use of legal terminology in legislation's criminal branches. The need to meet certain requirements in the use of legal terms is noted. The importance of respecting constitutional norms in drafting federal laws is indicated. The purpose: to designate the place of legal terminology in criminal law branches of legislation, to reveal the role of constitutional terminology for the introduction of new terms in sectoral legislation. Methods: during the research the comparative, dialectical and formal logical methods were used. Results: the author concludes that the introduction of new legal terms means that they are subject of the highest demands. The accuracy of applied terms, their adequacy is important. This is due to the consequences that may occur in the implementation of criminal law. A federal law should be adopted as soon as possible to regulate the procedure for making regulations. The results of the research contribute to the science of criminal law, criminal procedure, penitentiary law, to the concept of legal terminology and contribute to the development of new scientific developments.

Keywords: legal terminology, term, branch of legislation, rule, act

For citation: Rudnev V.I. The Legal Terminology Importance in the Development of Legislation's Criminal Branches. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 1, pp. 134–145 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.25.11.

Известно, что в различных отраслях законодательства используются юридические термины. Развитие законодательства немыслимо и невозможно без их применения. Юридическая терминология является разновидностью терминологии в целом. При этом юридическая терминология складывается веками, имеет большую историю. Иные юридические термины не утратили своего значения до сих пор. Их содержание может изменяться в зависимости от обстоятельств и быть обусловлено придаваемым им смыслом, отражением происходящих жизненных и иных ситуаций, и в частности, касающихся криминализации общественно-опасных деяний. В научной литературе отмечается, что «сложившаяся на протяжении тысячелетий юридическая терминология обладает огромной устойчивостью. Это связано, в частности, с действием принципа правовой непрерывности: новые поколения людей подчинены пра-

вилам, сложившимся до них, унаследованных ими. Правовая непрерывность не исключает создания новых терминов, но конституционная традиция иногда долго удерживает устаревшие, неточные и недостаточные понятия» [1, с. 21]. Бесспорно, что применение юридических терминов может иметь важное значение не только для развития законодательства, но и для других сфер. Так, Ю.Г. Арзамасов полагает, что «используя юридические термины, государство в лице своих органов власти говорит на языке права и выражает свою волю, т.е. устанавливает всевозможные запреты, возлагает на юридических и физических лиц и их объединения определенные обязанности, предоставляет возможность для реализации прав и законных интересов» [2, с.107].

При введении юридических терминов во все отрасли законодательства, включая уголовно-правовые, следует учитывать нормы Конституции Российской Федерации. В литературе обращается внимание на то, что «юридическое верховенство Конституции предполагает как общеобязательность ее нормативных положений для правовой системы Российской Федерации, так и по праву главенствующее место в сложившейся иерархии правовых актов государства. Все источники российского права должны исходить из Конституции и не противоречить ей. Законы и подзаконные нормативные правовые акты, противоречащие Конституции, должны признаваться недействующими и не иметь юридической силы» [3, с. 112–113]. Это положение, безусловно, является руководством к действию при разработке новых терминов и включении их в законодательство. Если говорить о юридических терминах, то необходимо отметить роль и значение конституционных терминов. При этом понятие «юридические термины», как представляется, является более широким, чем понятие «конституционные термины». Хотя существующие конституционные термины, как правило, содержат юридический смысл. Следует иметь в виду, что в конституционных терминах находят свое отражение права и свободы человека и гражданина. Для всех отраслей законодательства конституционная терминология имеет ведущее значение. Определяющая роль конституционно-правовых терминов связана с тем, что они, во-первых, относятся к основам существующего в стране строя, во-вторых, должны восприниматься (воспринимаются) последующим законодательством, правоприменительной практикой, правовой идеологией как образ, модель [1, с. 11]. Хотя есть немало случаев, когда при развитии той или иной отрасли законодательства нормы Конституции Российской Федерации могут не учитываться и даже игнорироваться, что является недопустимым. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, провести этот принцип не удастся без детального урегулирования законодательством того или иного вопроса, «...сознательное умолчание законодателя не преодолевается в процессе правоприменения по объективным причинам» [4, с. 267–268]. Такова реальность происходящих в стране процессов, влияющих на развитие законодательства.

Касаясь уголовно-правовых отраслей законодательства, следует обратить внимание на необходимость соблюдения требований, предъявляемых к использованию юридических терминов. Это обусловлено значимостью нормативно-правовых актов, принимаемых в этой сфере, в частности, федеральных законов, которыми выступают Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ и другие федеральные законы. Перечисленные федеральные законы являются кодифицированными законами. В них постоянно вносятся изменения, вводятся новые юридические термины, что, безусловно, влияет на стабильность законодательства, снижает его качество, не дает возможность правоприменителю точно и правильно применять законы. К подбору и введению юридических терминов в указанные отрасли законодательства необходимо подходить с особой тщательностью. Поэтому следует поддержать мнение о том, что «использование неудачной юридической терминологии в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве приводит к крайне негативным последствиям для граждан, с одной стороны, и для государства, с другой» [5, с. 17]. Действительно, например, при введении уголовной ответственности за совершение того или иного общественно-опасного деяния, следует иметь в виду, что для этого необходимо использовать юридические термины, которые в наибольшей степени соответствуют придаваемым им смыслу и значению.

Крайне важным для уголовно-правовых отраслей законодательства является точность применения юридических терминов. При этом законодатель может неверно или неправильно оценивать смысл и значение тех или иных терминов, стремясь к тому, чтобы они были упрощены и т.д. Однако следует согласиться с мнением о том, что далеко не всегда упрощение в юридическом смысле оказывается уместным, часто оно связано со снижением уровня профессионализма, усилением декларативности текста [6, с. 227]. Это влияет на правоприменение, может приводить к ошибкам.

Между тем, из отраслевого законодательства, как представляется, не могут исключаться термины, которые соответствуют Конституции РФ. Спорным является предложение о необходимости исключения из Уголовно-процессуального кодекса РФ института предъявления обвинения [7, с. 21]. Термин «обвинение» является ключевым для уголовно-процессуального законодательства. Более того, термины «обвинение», «обвиняемый» содержатся в нескольких статьях Конституции Российской Федерации и имеют конституционно-правовой смысл. При исключении института предъявления обвинения из законодательства могут быть нарушены конституционные права граждан. Поэтому сохранение указанных терминов в уголовно-процессуальном и в других отраслях законодательства является крайне необходимым и обоснованным, и без них нельзя будет обойтись.

С другой стороны, в уголовно процессуальном законодательстве применяются термины, которые предлагается исключить в будущем, тем более что такие термины в Конституции РФ не содержатся. В частности, это относится к

такому термину, как «подозреваемый». Наличие его в уголовно-процессуальном законодательстве подвергается критике, исходя из вектора развития этой отрасли законодательства, связанного с необходимостью судебной защиты прав лиц, вовлекаемым в уголовное судопроизводство. В юридической литературе отмечается, что защита в судебном порядке прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками должна осуществляться не приданием им какого-то из указанных правовых статусов, а путем надлежащего правового механизма. Предоставление возможности отстаивать свои интересы не в зависимости от формального статуса, а по факту ущемления прав или ограничения свобод и законодательное расширение этого механизма неизбежно влечет за собой отмирание института подозреваемого [8, с. 122]. Поэтому термин «подозреваемый» может в дальнейшем применяться крайне редко и вовсе исчезнуть. В этой связи автором настоящей статьи еще раньше предлагалось ввести в уголовно-процессуальное законодательство термин «задержанный» [9, с. 131], так как каждый задержанный имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания. Введение такого термина станет соответствовать и правовым позициям, изложенным в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г., согласно которым понятие «задержанный» следует рассматривать более широко и именно с точки зрения определения его как лица, фактически подвергнутого задержанию¹. Таким образом, приведение отраслевого законодательства в соответствие с нормами Конституции Российской Федерации может достигаться как путем включения в него терминов, соответствующих Конституции, так и исключением терминов, там не содержащихся.

Можно отметить, что иногда в законодательство вводятся юридические термины, которые являются непонятными для правоприменителя и для лиц, в отношении которых они используются. Как полагает Г.Т. Чернобель, «юридические термины обозначают только специальные юридические понятия и в этом смысле уникальны по своему содержанию» [10, с. 54]. Вместе с тем некоторые юридические термины менее определены, чем, например, медицинские или технические, что в ряде случаев может способствовать их неточному употреблению. В научной литературе указано, что «всякий новый термин - в известной мере событие для определенной отрасли юридической науки и законодательства, потому что его появление, как правило, свидетельствует о таком приросте знаний о предмете и методе правового регулирования, который уже не укладывается в рамки прежних обозначений» [11, с. 65]. Появление новых терминов, в том числе юридических, может стать событием и являться отражением возникающих процессов, причем не только в юриспруденции. Однако их введение в «юридический оборот» должно быть строго обдуманым, взвешенным и не преследовать конъюнктурные цели.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации от 3 июля 2000г. № 27. Статья 2882.

Следует сказать, что юридические термины, которые могут быть введены, в частности, в уголовно-правовые отрасли законодательства, сначала могут появиться в актах разного уровня и затем постепенно войти в законы. Так, например, это относится к такому термину, как «видеокоференц-связь», который используется в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, но еще не применяется в полной мере в уголовно-процессуальном законе, хотя потребность в этом имеется. Тем более, что уже увеличивается количество процессуальных действий, которые проводятся с применением средств видеоконференцсвязи.

В уголовно-правовых отраслях законодательства могут появляться термины из других, в частности, смежных отраслей законодательства, и это не всегда происходит удачно. Так, в уголовное законодательство введен термин «организованная группа», применяющийся в криминологии. Из ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса РФ следует, что организованная группа — это устойчивая группа. Однако понятие «устойчивый» является весьма несовершенным и явно недостаточным для точной характеристики такого понятия, как «организованная группа». Понятие «устойчивый» не применяется в юриспруденции, а используется, в частности, в строительстве, промышленности, возникает неопределенность в понимании его уголовно-правового смысла. Как отмечает П.Н. Панченко, термин «организованная группа» неудобен для использования потому, что по смыслу он охватывает собой и преступное сообщество (преступную организацию), ответственность за создание которой установлена ч. 4 ст. 35 УК РФ. Некоторые терминологические неточности имеются и в ч.3 ст.33УК РФ и т. д. [12, с. 181]. Такая неудачная конструкция уголовно-правовой нормы способствует тому, что, как показывает практика, действия лиц, совершенные в группе, иногда неправильно квалифицируются как совершенные именно организованной группой. Это приводит к вынесению незаконных, необоснованных и несправедливых приговоров по уголовным делам.

Думается, что в уголовном законодательстве в ряде случаев используются термины, введение и применение которых, как представляется, не всегда является достаточно точным, обоснованным и правильным. В этой связи следует согласиться с выводом о том, что «в современной российской законотворческой практике нет четко выверенной системы работы с терминологией законопроекта, что зачастую приводит к неопределенности и размытости формулируемых правовых норм, их коррупциогенности» [13, с. 35.] Это, безусловно, является большой проблемой для развития уголовно-правовых отраслей законодательства, его качества, что необходимо решить в ближайшее время. Как представляется, в таких случаях гораздо в большей степени следует учитывать требования законодательной техники применительно к терминологии.

Между тем, можно констатировать, что при введении новых терминов до сих пор не существуют определенные нормативные требования, которым они должны соответствовать. При этом в инициативном проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», подго-

товленного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, имеется статья 40, называемаяся «требования к терминологии, используемой в нормативных правовых актах». В частях 1–3 предлагаемой статьи указано, в частности, что термины, используемые в нормативных правовых актах, должны быть краткими, лексически правильно сформулированными. Каждый термин должен быть однозначным, т.е. использоваться строго в соответствии с вложенным в него смыслом. Недопустимо использование терминов в переносном или образном выражении [14, с. 46]. Поэтому необходимо, чтобы при разработке проектов нормативных правовых актов соблюдались указанные требования, что может оказаться крайне важным, но не всегда соблюдается.

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации имеют место некоторые недостатки. В частности, обращается внимание на расплывчатость и неконкретность самих норм уголовно-процессуального законодательства, перенасыщенного оценочными категориями [15, с. 4]. Из этого следует, что при развитии законодательства и употреблении юридической терминологии требуется избегать конструирования норм, содержащих оценочные признаки. Необходимы определенные усилия, направленные на качественную подготовку проектов нормативных актов, возможно, с использованием помощи специалистов в области филологии, лингвистики и из других сфер, чтобы избежать конструирования норм, содержащих оценочные понятия. Следует согласиться с высказыванием о том, что «поскольку нормы с оценочными признаками представляют наибольший простор для усмотрения применяющего право, они содержат и определенную опасность проявления субъективизма в решениях. Необходимо обратить особое внимание на те правовые гарантии, цель которых - предупредить возможность проявления субъективизма в их решениях и обеспечить их объективную правильность» [16, с. 147]. Действительно, термины, которые могут восприниматься неоднозначно, содержащие нормы с оценочными признаками, порой приводят к вынесению незаконных, необоснованных и несправедливых решений в деятельности правоохранительных органов и судов. В этой связи можно поддержать вывод о том, что «идея правовой определенности выступает в качестве принципа судебской деятельности, которая предполагает окончательность и стабильность принятого судебного решения по конкретному делу» [17, с. 63].

Безусловно, что в сфере отправления правосудия является важным правильное применение юридических терминов, содержащихся в нормах законов, реализация которых должна отражать, в частности, и независимость судей. Вместе с тем следует согласиться с выводом, что «формирование судебной системы, равно как и издание законов разного уровня и юридической силы — это необходимые, но недостаточные способы обеспечения судебной власти и судей, ...законодательные положения о независимости судей могут оставлять-

ся лозунгами, благими пожеланиями, ибо эти законоположения, как правило, никого ни к чему не обязывают [18, с. 80]. Безусловно, что принятие законов является важным для развития судебной системы, но этого для обеспечения верховенства права явно недостаточно, и является едва ли не главной проблемой не только юриспруденции, но выходит за рамки темы настоящей статьи и требует глубоких разработок, а также огромных усилий в указанном направлении.

Разумеется, что необходимо учитывать появление в обиходе слов, которые не соответствуют юридической терминологии. Так, например, когда говорится об «антиотмывочном законодательстве», «антиотмывочных нормах», то такие термины, как известно, не содержатся ни в Конституции Российской Федерации, ни в отраслевом законодательстве. Их нельзя отнести к юридическим. Они представляют собой, по существу, юридические жаргонизмы, и думается, что они не должны иметь места в уголовно-правовых и иных отраслях законодательства и не могут использоваться.

При разработке законодательства в оборот входят иностранные юридические термины. Это связано с интеграцией государств, развитием новых технологий. В ряде случаев точность и полнота содержания нормативного правового текста не всегда могут быть выражены с помощью языковых средств отечественной правовой системы. Важно, чтобы нормоустановитель и правоприменитель применяли иноязычную терминологию в соответствии с правилами использования иноязычного лексикона в юридической практике [19, с. 149]. Постепенно вошли в обиход такие юридические термины, как «прецедент», «кассация» и т.д. Важным является оптимальное введение иностранных терминов, их адекватное восприятие. Неправильное применение таких терминов может повлечь весьма серьезные последствия.

Известно, что в настоящее время бурно развивается промышленность, возникают новые направления в науке и технике. Поэтому не исключено, что в связи с развитием научно-технического прогресса разработка и введение новых юридических терминов в дальнейшем станут невозможны без использования современных технологий, искусственного интеллекта.

Заключение. Автор приходит к выводам, что юридические термины, применяющиеся в правовых дисциплинах уголовно-правового профиля, должны быть точными и четкими. Юридический термин является стержнем, который формирует содержание нормативно-правового акта. Неправильный и неточный смысл понятий, который вкладывается в сущность юридического термина, может привести к ошибкам и к вынесению незаконных, необоснованных и несправедливых решений. Имеются многочисленные недостатки при разработке и введении терминов в отраслевое законодательство, которые приобретают юридический смысл, не отражающий сущность и цели, которые преследуют введение и применение юридического термина.

Следует повышать требования к качеству юридической терминологии. Необходима огромная работа по разработке новых и совершенствованию при-

меняемых терминов, требующая системного подхода, принятия ответственных решений. Это может объединить усилия не только юристов, но и специалистов из других отраслей знаний. Такое направление развития науки можно считать перспективным.

Список источников

1. Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография / В. Е. Чиркин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: Норма: ИНФРА М. — 2013. — 269 с.
2. Арзамасов Ю. Г. Понятие и средства юридической техники. В кн.: Нормография. Теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие. Под ред. Ю. Г. Арзамасова М. — 2007. — 542 с.
3. Оксамытный В. В., Рахманина Т. Н. Комментарий к ст. 15 Конституции Российской Федерации. В кн.: Комментарий Конституции Российской Федерации. Коллектив авторов М. — 2002. — С.112-113.
4. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник / В. М. Сырых; отв. ред.- д-р юрид. наук, проф., С. А. Чибиряев. — Москва: Былина, 1998. — 512 с.
5. Черкаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01/ А.В. Черкаев. — Москва, 2004. — 21с.
6. Давыдова М. Л. Пределы и перспективы трансформации российской правовой системы под влиянием сети «Интернет» // Право и закон в программируемом обществе: к 100-летию со дня рождения Даниела Бэлла . Сборник научных статей. Отв. ред. В.В. Лазарев. М. — 2020. — С. 221-231.
7. Гаврилов Б.Я. Эффективность уголовного судопроизводства / Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 2. — С. 19-36.
8. Григорьев В. Н. Институт подозреваемого завершает свою историческую миссию? III Московский юридический форум. Международная научно-практическая конференция, посвященная 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской. «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» М. — 2016. — С. 119-123.
9. Руднев В. И. Задержанный- как новый участник уголовного судопроизводства/ Перспективы развития уголовного права и криминалистики. Материалы 2-ой международной научно- практической конференции. Москва. 11-12 апреля 2012 г. М. — 2012. — С. 129-132.
10. Чернобель Г. Т. Юридические основания упорядочения юридической терминологии. Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ № 27. Москва, 1983. — 350 с.

11. Савицкий В. М. Язык процессуального закона : Вопр. терминологии / В. М. Савицкий; Под ред. А. Я. Сухарева; АН СССР, Ин-т государства и права. - Москва: Наука, 1987. — 286 с.
12. Панченко П. Н. Организатор преступления и инициатор преступной группы: законодательное определение, содержание, соотношение/ Преступность и проблемы борьбы с ней. Под общ. ред. Долговой А. И., Каныгина Н.И. Москва, 2007. — 477 с.
13. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01/ В.Ю. Туранин. Белгород, 2017. — 35 с.
14. Хабриева Т.Я. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (Инициативный проект федерального закона) 5-е издание. Рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А.Тихомиров. Москва, 2019. — 88 с.
15. Катанян К. Интервью с адвокатом АП Ивановской области О. Бибиком Адвокатская газета. — 2021. — № 5. — 1-15 марта, — С.4.
16. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика: монография/ П.А. Лупинская. — 3-е изд., стереотип. — Москва: Норма: ИНФРА-Москва, 2006. — 238 с.
17. Балаян Э. Ю. Правовая определенность в контексте защиты конституционных прав человека. Вестник Омского университета. Серия Право. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 59-68.
18. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей и процессуальные проблемы её реализации в судебном производстве по уголовным делам: монография Москва, 2022. — 224 с.
19. Власенко Н.А. Доктринальные основы юридической техники (отв. ред. Н. А. Власенко); Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: юриспруденция, 2010. — 365 с.

References

1. Chirkin V. E. Constitutional Terminology. Moscow, Norma : INFRA-M, 2013. 269 p. (In Russian).
2. Arzamasov Yu. G. Legal Norms Studies: Theory and Methodology of Rule-Making: Textbook for Universities. Moscow, 2007. 542p. (In Russian).
3. Oksamyitnyi V. V., Rahmanina T. N. Comment to the Article 15 of the Constitution of the Russian Federation. In the Book: Comment of the Constitution of the Russian Federation. Team of Authors. Moscow, 2002, pp. 112-113. (In Russian).
4. Syryh V. M. Theory of State and Law. Moscow, Bylina, 1998. 512 p. (In Russian).
5. Cherekaev A.V. Legal Terminology in Public Russian Law: Problems of Application and Improvement. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2004. 17 p. (In Russian).

6. Davydova M. L. Limits and Prospects of the Russian Legal System Transformation under the Influence of the Network 'Internet'. *Law and Statute in a Programmed Society: to the 100th Anniversary of the Birth of Daniel Bell. Collection of Scientific Articles*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2020, pp. 221-231. (In Russian).
7. Gavrilov B.Ya. Pre-Trial Proceedings Efficiency. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2017, no. 2, pp. 19-26. (In Russian).
8. Grigoriev V. N. Is the Suspect's Institute Completing Its Historical Mission? *The III Moscow Legal Forum. International Scientific and Practical Conference to the 95th Anniversary of Professor Polina Abramovna Lupinskaya. Modern Problems of Proving and Decision-Making in Criminal Proceedings. Social technologies and legal institutions. Conference materials, Moscow, April 8, 2016*. Moscow, Original-Maket, 2016, pp. 119-123. (In Russian).
9. Rudnev V.I. Detainee as a New Participant of Criminal Proceedings. *Development of Criminal Procedure Law and Criminalistics. Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Moscow, April 11-12, 2012*. Moscow, YUrisprudenciya, 2012, pp. 129-132. (In Russian).
10. Chernobel G. T. Legal Grounds to Order Legal Terminology. Problems of the Soviet Legislation Improvement. *Trudy VNISZ = Writings: All-Union Research Institute of Soviet Legislation*. Moscow, All-Union Research Institute of Soviet Legislation, 1983. 350 p. (In Russian).
11. Savitskii V. M. The Language of Procedural Law : Issues of Terminology. Moscow, Nauka, 1987. 286 p. (In Russian).
12. Panchenko P.N. Crime Organiser and Criminal Group Initiator: Legislative Definition, Content, Correlation. *Crime and Problems of Combating It. International Scientific-Practical Conference, Nizhny Novgorod, February 2-3, 2007*. Moscow, Russian Criminological Association, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 477 p. (In Russian).
13. Turanin V. Yu. Legal Terminology in Modern Legislation. Theoretical and Legal Research. *Cand. Diss. Thesis*. Belgorod, 2017. 35 p. (In Russian).
14. Habrieva T.Ya., Tihomirov Yu.A. (ed.). About Regulatory Legal Acts (Initiative Draft of Federal Law). 5th ed. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019, 88 p. (In Russian).
15. Katanyan K. Interview with the Advocate of Ivanovo Region O. Bibik. *Advokatskaya gazeta = Advocate Newspaper*, 2021, no.5, 1-15 March, p.4. (In Russian).
16. Lypinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Enforcement and Practice. Moscow, Norma: INFRA-M, 2006. 238p. (In Russian).
17. Balayan E.Yi Legal Definition in the Context of the Protection of Constitutional Human Rights. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 59-68. (In Russian).

18. Tarasov A.A.,Gizatyllin I.A. The Judges Independence and Procedural Problems of Its Realisation in Criminal Proceedings. Moscow, Prospekt, 2022. 224p. (In Russian).

21. Vlasenko N.A. (ed.). Doctrinal foundations of juridical technique. Moscow, Yurisprudenciya, 2010. 365 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the author

Руднев Владимир Ильич – адвокат

Rudnev Vladimir Ilyich – Lawyers

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.